

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Институт философии и социально-политических наук

Всероссийская онлайн-конференция с международным участием
X ЮБИЛЕЙНЫЙ ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНВЕНТ
«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ»
27 - 31 октября 2020 г., Ростов-на-Дону

**ПОСТСОВРЕМЕННОСТЬ КАК ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТЬ:
МЕТАМОРФОЗЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ТРАНЗИТА**

НЕКЛЕССА Александр Иванович, руководитель Группы «Север-Юг» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Москва; email: neklessa@intelros.ru

Есть две достаточно разные, но сопряженные вселенные: физическая и антропологическая, объединенные единой «большой историей». Каждую из них можно подразделить на парные ипостаси: природный космос необъятных размеров и микромир с собственными законами. Так же и социальный космос состоит из миллиардов персональных, подчас весьма странных миров. Все эти аспекты бытия взаимосвязаны непростым образом, представляя единую комплексную систему.

Эволюционный марафон

Мир людей – вселенная с меняющимися кодами ментальности, моделями поведения, концептами политической и хозяйственной практики. В ту или иную эпоху, в том или ином регионе нас объединяет *организация сознания* (координаты бытия) и *социальная ментальность* – «то общее, что есть у Цезаря и последнего солдата его легионов, у Людовика Святого и крестьянина его домена, у Колумба и матроса на его каравеллах» (*Jacques Le Goff*). Модификация социума предваряется изменением ментальности, предопределяющей социальные нормы и политический порядок.

История – эволюционный марафон. Социальная ментальность, однако, весьма инертна, она сопротивляется изменениям. Ее генезис хорошо описывает история про обливаемых водой шимпанзе, пафос которой – демонстрация силы и цепкости ритуальной «вирусизации» сознания. История эта упомянута в изданной Гарвардской школой бизнеса книге Гари Хамеля и Коимбатори Кришны Праалада (*Gary Hamel, C.K. Prahalad*) «Состязание в погоне за будущим». Оставляя в стороне вопрос о нечеткой атрибуции эксперимента, его логика многое нам говорит о наследовании шаблонов поведения и установок ума, если и не в популяции обезьян, то в человеческом обществе.

Суть упоминаемого в книге эксперимента примерно такова. К потолку помещения, где находятся пять шимпанзе, привязывается связка бананов, рядом устанавливается лестница. Однако при попытке какой-либо из обезьян подобраться к бананам всех обливают ледяной водой. Ситуация повторяется, после чего, если кто-то из подопытных особей все же пытается достать бананы, другие удерживают ее силой. Затем одну из обезьян заменяют на новую, которая естественно устремляется к бананам, но остальные, следуя сложившейся практике, останавливают ее. При замене еще одной особи, первая

сухая обезьяна, не имевшая негативного опыта с ледяной водой, тем не менее, действует совместно с коллективом. Новые особи быстро «стареют». В результате после замены всех мокрых особей на сухих, обезьяны продолжают вести себя согласно стереотипу поведения, ставшему ритуалом, переходящим в традицию.

В человеческом общежитии прерывание безвременья носит взрывной характер. Инерция быта и блокада будущего нарушаются критическими событиями: приходящими извне природными катаклизмами либо спонтанными героическими усилиями по разрешению накопленных противоречий. Эволюционный лифт приходит в движение. Для транзита характерна и естественна социальная турбулентность – стохастическая суэта, уход от самоотчуждения, хаотизации прежней и генезис новой организации. Процесс различным образом проявляется в социокультурных ареалах, одни стремятся завоевывать, другие обустривать, третьи – преодолевать. А «большой транзит» цивилизации можно, с определенной мерой условности, свести к трем состояниям: прошлое (*ante*), современное (*mode*), грядущее (*post*), перемежающимся чересполосицей «гибридных средневековий».

Доминантой целеполагания политических субъектов в историческом прошлом являлось *пространственное развитие*: строительство империй, морских или континентальных, – им были свойственны геополитические ориентиры. Современность все более ориентируется на освоение и оптимизацию *времени*: колонизацию нереализованных, но реализуемых с той или иной степенью вероятности состояний – борьбу за будущее. Постсовременность же представляется молекулярным и разновекторным миром с *мультиплицированной суверенной субъектностью* – мозаичным и подвижным трансграничным сообществом.

Цивилизационный транзит

Сегодня мир расстается с прежним цивилизационным статусом и связанными с ним организационными формами, т.е. мы обитаем в ситуации транзита. XX век – время перехода от пространственного развития (завершившегося глобализацией – «эффективной оккупацией» планеты современной цивилизацией) к краху имперских грез и структур; затем был путь апофеоза и кризиса национальной государственности. Процессы колонизации вытесняются версиями мультикультурной интеграции, но «если Европа не придет в Африку, Африка придет в Европу».

В течение столетия распад континентальных и морских империй, этатистский *tour de force* социальных и политических инженеров (с тем или иным идеологическим наполнителем) сопровождался демонтажем сословных перегородок, политической демократизацией, гендерной эмансипацией, десегрегацией, деколонизацией, либерализацией общественных норм, связей, торговли, серией «бархатных» революций... И далее – новым изданием «весны народов», но уже в иной социокультурной среде, обернувшись возвратной волной культурно-демографической экспансии постколониального мира.

На пороге миллениума развиваются два доминантных, взаимосвязанных, но разных процесса: *глобализация* и *индивидуация*, сопровождаемые становлением новых и мутацией прежних политических и прочих институтов, производством инновационного технического, технологического, инструментария. Концепту глобализации как «финалу истории» – социальной и экономической связности современности, противопоставлен взгляд на универсальную перестройку как следствие системного кризиса государственных, идео-партийных, административных институтов, иных унифицирующих механизмов. Внимание обращено на тенденции приватизации и замещение субординативности субсидиарностью.

Реорганизация современного строя, преображаемого и атакуемого с различных позиций, расширяет кругозор и смещает привычный горизонт. Власть ускользает от этатистских структур, складывается новое представление и содержание коллективной политической субъектности, а картография антропологического космоса расходится с географической ее интерпретацией, генерируя все более сложные, синдиахронные связи

и конструкты. Человечество переживает социокультурный переворот, проходя своего рода *rite of passage*, реализуя новую формулу социальных координат, полагая мир интерактивным калейдоскопом людей и народов (*Pax Humanum*), а не пространственной комбинаторикой государств. Постсовременное средневековье порождает протееобразных неформальных субъектов – гибридное сообщество мирного и немирного сосуществования политического наследия прежней эпохи и подвижных, экспериментальных организмов. Проявления постмодернизации трудно анализировать с региональных и национальных позиций – это комплексное, интерактивное поле с разнообразными, разбегающимися сюжетами.

Социальная турбулентность

Глобализация создает общую оболочку для хозяйственной практики и универсальной коммуникации, а индивидуация части обитателей планеты продуцирует множество анклавов транзита, служащих порталами иной цивилизационной организации, отрицающей прежнее устройство антропологического универсума, генерируя неопределенность в суммарной траектории футур-истории.

Территориальная экспансия стран и народов постепенно замещается конкурентной приватизацией многомерных пространств будущего. Также цели и ментальность геополитики, связанные с ответственным владением земными территориями, их политическим, административным обустройством, вытесняются геоэкономикой, ориентированной на организацию и контроль хозяйственной и финансовой деятельности в контексте глобального рынка, управление маршрутами транспортировки и транзакций, правами доступа и предпочтений, режимами благоприятствования и санкций. А создание и свободное использование технологий оказывается важнее обладания произведенными на их основе продуктами. При этом интенсивность коммуникаций (деятельное «соседство») преобладает над непосредственной территориальной близостью.

Растет влияние геокультуры, учитывающей зоны культурных разломов, удельный вес социокультурного капитала, выделяя центры гравитации, экспортирующие, транслируя на иные социальные языки, принципы, стиль и стандарты жизнедеятельности. Возрастает роль геоантропологии, фиксирующей динамику и пути антропоток, перераспределяющих население планеты, изменения в картографии человеческих активов, их потенциал, генетическое и прочее разнообразие. Сложные алгоритмы теории, практики, техники ведут к разделению образования, интеллектуальной и творческой деятельности на эксклюзивную, частную, и инклюзивную, общественную, с критическими последствиями. Сфера практики пронизывается вирулентной генерацией людей-предприятий (*menterprisers*), их экзотичными и радикальными стартапами, новациями политиков-акционистов: визионеров, реконструкторов, популистов, действующих вне прежнего формата партийности.

Привычные типы государственности модифицируются, поглощаясь, в конечном счете, обществом, сопрягаясь при этом с разного рода структурами, преобразующими современные политические системы. А перемены в понимании трансграничной суверенности высвобождают скованные прежней эпохой силы и устремления. Углубляется кризис системы международных отношений, мировой бюрократии и связанных с нею институтов; формируется многоуровневая среда сетевых трансграничных связей, включая присутствие влиятельных антропо-социальных корпораций, других комплексных субъектов и неформальных агентов перемен.

Национальная государственность, утрачивая былые позиции и величие, основания и смыслы, испытывает кризис идентичности, ощущая собственную диссипацию (национальные интересы – локальны, информация, финансы, компетенции – глобальны). Предчувствуя и переживая институциональную хаотизацию, уходящие в прошлое политические организмы пробуждают встречный ветер национализма (ср. «красный мираж»), в вихре сопротивления шквалу перемен. Столкновение усилий по удержанию ситуации и нарастающего потока трансформаций предопределяет генезис социальной турбулентности.

Постсовременность как постколониальность

Постсовременность может быть охарактеризована как своего рода вселенская постколониальность – мир транзита к мультиплицированному соборному обществу, использующему возможности адаптивной самоорганизации комплексных конструкций и сложноорганизованных личностей. Отрицая прежнее мироустройство, Постсовременность воспроизводит в планетарном масштабе подобие пост-колониальной ситуации, что позволяет обратиться к проблематике самоопределения стран, усваивавших криптограммы независимости, осваивая призы и тяготы суверенности в различных версиях ее становления.

Моделирование актуального состояния ансамбля «Север – Юг» связано с определением пропорций постсовременности и постколониальности, модернизации и неоархаизации в универсальном трансформационном процессе. Композиция взаимно контаминируемого мироустройства явно сложнее привычной политической биполярности, идеологически мотивированных утопий или дистопий современности. Присутствие как колониальности, так и постколониальности в композициях Постмодерна усложняет декодирование гибридного мира и картографирование цивилизационного транзита, выявляя невидимые до поры препятствия.

Постколониальность – устремленность к миру, в котором нет метрополии, нет доминирования ни политического, ни персонального, но есть личный героизм, терроризм и бесконтрольность вольноотпущенника. Нация мыслится как сообщество энтузиастов («синий сдвиг»), патриотизм же в трансграничной вселенной воспринимается как некое подобие расизма (е.g. дискриминация эмигрантов легальных и нелегальных), т.е. как историческая близорукость, предполагая аналогию с участием сельской общины и трайбализма в эпоху Модернити. Сложный мир Постмодерна, опровергающий Современность, это иной, мультиплицированный демиург, другая, пугающая откровенность и персонализированная форма нарастающего факториала взаимоотношений. Атакуются не только локальные нестроения и режимы, но весь глобальный социальный организм – репрессивная к миноритарным акционерам общая система, непреодолимая обычным порядком. Потому и сокрушаются в первую очередь модели поведения (Роза Паркс, отказавшаяся уступить место в автобусе белому), либо символы угнетения (от памятников героям конфедерации и работорговцам до знаменитого восточно-европейского и постсоветского «ленинопада»).

Крах земных империй, ветхость авторитарных конструкций предполагают крушение политического и ментального империализма. Протест из сферы материальных претензий сдвигается в экзистенциальную плоскость, отрицая как супремасизм привычные практики Современности, высвобождая стихии и производя переоценку жизненных ценностей, целей и ситуаций. В оптике симпатизантов конфликт с репрессивной обыденностью преломляется в замысел вселенской деколониальности: революции антиконформизма, персонализма, достоинства – скалярную траекторию опознанных, но не осознанных в будущей полноте метаморфоз.

Литература (Reading)

Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада*. М.: Прогресс-Академия. 1992. 376 с.

Некlessа А.И. *Прыжок лягушки*. – М.: ИНТЕЛПРОС. 2013. 44 с.

Некlessа А.И. Кризис истории. Мир как незавершенный проект. – *Полис. Политические исследования*. № 1. 2018. С. 80-95. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>

Некlessа А.И. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития. – *Полис. Политические исследования*. № 4. 2019. С. 149-164. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.11>

Некlessа А.И. Геоэкономическая формула мироустройства. – *Мировой порядок - время перемен. Сборник статей*. Под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной. / Российская ассоциация политической науки. М.: Аспект Пресс. 2019. С. 326-341.

Некlessа А.И. Мультиплицированный суверенитет. Постколониальность как фрактальный извод постсовременности. – *Африка в условиях формирования полицентричного мира*. / Отв. ред. Волков С.Н., Дейч Т.Л. М.: Институт Африки РАН. 2020. (в печати).

Hamel G., Prahalad C. *Competing for the Future*. Boston (MA): Harvard Business School Press, 1994, 327 p.